

— Ты вообще кто такой?

Цзян Цянь выпалил это раньше, чем успел подумать:

— Это ты кто такой...

Цзи У приставил меч, который до этого держал в руках, прямо к его горлу:

— М-м?

— Э-э, евнух, — поспешно исправился Цзян Цянь.

Шан Цюань промолчал, но в его руке внезапно появилась крохотная серебряная монетка.

Цзян Цянь внутренне ахнул: Да ладно! Моя монетка! Я узнаю её, даже если она в прах превратится — это же те самые деньги, которые я потерял несколько дней назад!

Он уставился на серебро, которое Шан Цюань подбрасывал в воздухе, указал на него пальцем и произнёс:

— Ваше Высочество, эта монетка так похожа на ту, что я потерял! Можно взглянуть?

У Шан Цюаня на виске запульсировала вена. Ну что за недалёкий человек! Он ведь этим жестом намекал, что помнит их разговор и ждёт объяснений, кто он такой и откуда взялся. А этот идиот просит вернуть деньги!

— Ваше Высочество, клянусь, я только посмотрю! Если это не моя, я её не возьму! Честное слово!

Прежде чем Цзян Цянь успел открыть рот для новых заверений, один из юношей, стоявший рядом с Шан Цюанем, метким движением вложил ему в рот пилюлю. Цзян Цянь рефлекторно сглотнул.

Цзи Ци холодно бросил:

— Скажешь ещё хоть слово не по делу — отравишься насмерть!

— ...Я ещё не придумал, как всё объяснить, — пробормотал Цзян Цянь, — но, Ваше Высочество, я не причиню вам вреда.

Шан Цюань не ответил, лишь пристально смотрел на него. У Цзян Цяня возникло ощущение, будто его загнал в угол голодный волк.

— Значит, оставлять тебя в живых нет смысла, — произнёс Шан Цюань и закрыл глаза, давая знак Цзи У закончить дело.

Цзян Цянь не собирался так просто сдаваться. Если он сейчас уйдёт, считай, упустил шанс, а в одиночку соревноваться — это всё равно что воду в ступе толочь. Нет, нельзя проигрывать.

— Нет-нет-нет, Ваше Высочество! Я всё ещё полезен, правда! Поверьте мне! Ваше Высочество, вы же сказочно богаты...

Не успел он закончить, как Цзи У зажал ему рот рукой. Что он несёт? Шан Цюань всегда хранил свои богатства в тайне, как этот малец мог догадаться?

— Ваше Высочество, я умею считать, я могу вам помогать, — продолжал Цзян Цянь, когда его отпустили. — Я не только счетовод, я и готовить умею, и постель согреть, и чай подать. Вы не можете быть таким бессердечным! Я ем совсем немного.

Шан Цюань внезапно ощутил приступ брезгливости. Ну что за наказание, так и тянет прибить его на месте.

В конце концов, под бесконечное нытьё Цзян Цяня, Шан Цюань сдался. Цзи Ци вышвырнул Цзян Цяня за дверь, причём пнул его прямо под зад — явно из личной неприязни.

Цзян Цянь был в отчаянии. Видимо, он узнал то, чего не следовало, поэтому, когда его выставляли, вдобавок «угостили» ещё несколькими видами ядов. Он разжал ладонь и посмотрел на кожу: она изменила цвет, даже ввевшаяся в поры мука посинела. Совсем страх потеряли!

Шан Цюань изначально планировал просто отравить его до смерти — в конце концов, во дворце открытое противостояние всегда лучше, чем подковёрные игры. Но на следующее утро, открыв глаза, он увидел Цзян Цяня. Тот стоял с тазом воды и глупо улыбался. Лицо его переливалось всеми цветами радуги, а губы почернели от яда.

Цзян Цянь, заметив, что Шан Цюань проснулся, просиял:

— Ваше Высочество, вы проснулись? Позвольте мне помочь вам умыться.

Шан Цюань был в замешательстве:

— Ты что, не чувствуешь себя плохо?

Цзян Цянь опустил таз и почесал затылок:

— Да как сказать... Не то чтобы плохо, просто я как-то странно изменился в цвете, и это ничем не отмывается.

Шан Цюань лишь молча смотрел на него. Может, это всё-таки последствия яда?

— Не волнуйтесь, Ваше Высочество, — заверил его Цзян Цянь. — Это сущие пустяки, моей работе не помешает.

Шан Цюань про себя подумал: «Я совсем не спокоен. Ты сейчас выглядишь как живая жаба, к которой страшно прикоснуться — отравишься».

Но Цзян Цянь был твёрд в своём намерении: чтобы добраться до кошелька Шан Цюаня, нужно сначала пробраться к нему в доверие, а значит, надо стараться изо всех сил. Вот только Шан Цюань не давал ему такой возможности. Какая досада!

Около девяти утра Шан Цюань вышел во двор погреться на солнце. Это был задний двор Императорской медицинской академии, пропитанный запахами трав. Под лучами солнца Шан Цюань наконец почувствовал некое подобие покоя. Если бы только этот маленький евнух перестал воровать его пирожные! Он ведь весь в яде, как теперь это есть? И почему, если уж ворует, нужно уносить всю тарелку целиком?!

Наконец, под тяжёлым, полным укоризны взглядом Шан Цюаня, Цзян Цянь неохотно вернул тарелку на столик.

Сидя рядом, Цзян Цянь заскучал и вдруг спросил:

— Ваше Высочество, а у вас есть кто-то, кого вы ненавидите больше всего на свете?

— Хочешь пойти и убить его для меня? — отозвался Шан Цюань.

Цзян Цянь прикусил язык. Ну и как на это отвечать?

— Э-э, Ваше Высочество, убивать — это нехорошо, да и способностей у меня, наверное, маловато. А может, у вас есть кто-то или что-то, что вы очень любите?

— Хочешь пойти и раздобыть это для меня?

— Ну вы хоть намекните, вдруг получится!

— Богатства, равного которому нет во всём мире.

Цзян Цянь выдохнул:

— ...Ваше Высочество, достойная цель!

— Вот и иди, добудь мне его. Иначе — смерть. Я иду спать, надеюсь, когда проснусь, увижу результат.

Цзян Цянь был в ярости. Проклятое общество, раз уж породило такого мерзавца! То и дело твердит о несметных богатствах, а у самого Цзян Цяня в кармане даже медной монеты нет. Где он это возьмёт? Сам виноват, зачем язык распускал? Теперь вот жизнь свою на кон поставил.

Видя, что Шан Цюань не собирается менять решение, Цзян Цянь отправился на поиски. Теперь ему разрешили свободно перемещаться по академии, и этого было достаточно, чтобы найти У Синчжи.

Выслушав его, У Синчжи посмотрел на него с сочувствием:

— Потряси головой. Слышишь шум волн внутри?

— Не надо так говорить, будто у меня в голове вода, — огрызнулся Цзян Цянь.

— А зачем ты вообще с ним завёл разговор? Не мог просто траву полоть или комаров хлопать? Теперь ещё и жизнь на кон поставил. Посмотри на своё лицо — ты же весь как радуга! Если ума нет, может, лучше помолчишь?

— Слушай, я пришёл к тебе за советом, как спасти свою шкуру, а не для того, чтобы ты меня отчитывал!

У Синчжи отодвинулся подальше:

— Говори, но не приближайся! Я живой человек, понимаешь? Живой!

Цзян Цянь посмотрел на него с тоской:

— Я ведь почти подобрался к нашей цели. Ты должен помочь мне удержаться рядом с ним, иначе как ты, будучи обычным стражником, когда-нибудь к нему подступишься?

— В этом есть смысл, — согласился У Синчжи. — Ладно, у меня сейчас только это есть, забирай.

Он вытащил своего любимого питомца, которого холил последние дни. Это была черепаха — почему не «ванба»? Да потому что она даже голову в панцирь прятать не умела.

— Я её во время обхода нашёл, — сказал У Синчжи. — Хотел откормить, всё-таки хоть какое-то мясо. Бери, не говори потом, что брат тебе не помог.

— Ладно, сойдёт, — буркнул Цзян Цянь.

— А почему ты не пойдёшь к Мэн Течжу?

— Ты думаешь, сейчас эпоха служения народу? Что, в правительство можно просто так взять и зайти? Статус уже не тот, она теперь не та, что была раньше.

— Сказал бы прямо, что не знаешь, где вход, вместо того чтобы разглагольствовать.

— У меня что, гордости нет?!

— Гордость до добра не доведёт, только мучиться будешь.

<http://bllate.org/book/20499/2042900>